

ГЛАВА 13

Я живу там, где Янцзы берет начало,

Ты же — там, где она впадает в море.

Каждый день я тоскую по тебе, но мы не встречаемся,

Хоть и пьем оба воду из одной реки.

Когда же поток этот иссякнет?

Когда же утихнет эта печаль?

Лишь об одном молю: пусть сердце твое будет подобно моему,

И тогда я никогда не предам нашу любовь.

— «Бусуаньцзы», Ли Чжии

***

Расплатой за ночные утехи стала тянущая боль в пояснице, однако на сей раз душа Лу Эня не вернулась в прежнее тело, а осталась в государстве Фэнтянь. Он предположил, что причина в слабости его физической оболочки — как только та окрепнет, он сможет вернуться.

Впрочем, теперь это и его страна тоже. Лу Энь решил воспользоваться случаем и получше рассмотреть императорский дворец, который вскоре должен был стать его домом.

Бросив мимолетный взгляд на парящую рядом фигурку, которая то и дело довольно хихикала, Фэн Лэйянь почувствовал, что на душе у него непривычно легко. Утренний совет он начал в бодром расположении духа.

Никто, кроме самого Лэйяня, не мог видеть Лу Эня или коснуться его бесплотного духа, поэтому юноша наслаждался свободой, то и дело взмывая вверх или опускаясь к самому полу, следуя по пятам за князем.

Лу Энь обрел человека, которому хотел доверять, и твердо верил, что Фэн Лэйянь — именно тот единственный. Предательство Е стало тяжелым ударом, но, вернув себе натуру мага, Лу Энь не собирался бесконечно сокрушаться о содеянном — это было бессмысленно. И хотя многие детали всё еще оставались туманными, после возвращения части воспоминаний Клара его

заботил лишь Лэйянь. В прошлой жизни Фидариша предпочел бы вечное проклятие и невозможность перерождения, лишь бы защитить его. Эта безмолвная, глубокая и одержимая любовь, которую невозможно описать словами, потрясла Лу Эня до глубины души. Именно она покорила его сердце в нынешнем воплощении. Ему было неважно, откуда пришло это чувство, помнит ли Фэн Лэйянь их прошлое или как распорядится судьба. Он знал только одно: он действительно влюбился в этого мужчину — в Фэн Лэйяня.

Раньше он никогда бы не принял подобную, шокирующую мир привязанность, но теперь он склонил голову перед самоотверженностью Фидариши и сочувствовал скорби прежнего Клара. Находясь рядом с этим человеком, Лу Энь ощущал такой покой и полноту жизни, что понимал: полюбить его было совсем не трудно. Каждое мгновение теперь было наполнено невидимым, но осязаемым счастьем.

Лу Энь заворуженно смотрел на высокую фигуру князя в парадном черном одеянии из тончайшего шелка, расшитом золотыми нитями. В лучах утреннего солнца тяжелая ткань словно сияла изнутри. Фэн Лэйянь шел размашистым, властным шагом, напоминая черного леопарда, вобравшего в себя всю мощь небес и земли. Дворцовые слуги спешили освободить дорогу, в священном трепете падая на колени и не смея поднять глаз.

Глядя на это, Лу Энь невольно преисполнился гордости. Он неотрывно следил за статным, могучим силуэтом.

Движимый любопытством к тому, как проходят утренние советы в ином мире, Лу Энь с самого начала внимательно оглядывался по сторонам, стараясь не упустить ни единой детали. Государственное устройство Фэнтянь во многом походило на Фэйюнь, различались лишь цвета и узоры на облачении чиновников. В Фэйюнь преобладал темно-синий цвет с вышивкой в виде зверей, а золотой и львы были символами правящего рода. В Фэнтянь же основой служил нежно-голубой шелк с изображениями птиц, а цветами королевской семьи считались бледно-фиолетовый и образы фениксов. В Шэнтяне же предпочитали молочно-белые тона с изысканными цветочными орнаментами, где серебро и крестообразный меч знаменовали высшую ступень веры.

Фэн Лэйянь восседал на почетном месте по правую руку от императорского трона, излучая пугающую ауру истинного владыки. На его фоне пустующий престол выглядел покинутым и печальным.

Человека по левую руку князь знал слишком хорошо. Его императорский брат — Фэн Моюй. Бедняге пришлось столько лет прикидываться женщиной, чтобы выжить, но в его глазах порой вспыхивала такая жестокость, которая была Лу Эню незнакома.

«Власть действительно меняет людей до неузнаваемости», — с грустью подумал юноша. Прошлое теперь казалось зыбким маревом, отражением в воде, которое после пробуждения оставляет лишь горечь и пустоту.

«Опять он грустит», — Фэн Лэйянь нахмурился, заметив тень одиночества на лице Лу Эня. В

сердце князя шевельнулось раздражение. Не то чтобы он не хотел утешить его, просто не знал как. К тому же ему претило даже слышать имена других мужчин из его уст.

Великий министр земледелия, как раз докладывавший о подготовке к осеннему сбору урожая, заметил недовольство на лице князя. Он так задрожал, что запнулся на полуслове. Неужели он в чем-то прогневал Его Высочество?

Минуты тянулись в молчании. Чиновники внизу терялись в догадках. Сегодня князь даже не смотрел на них — неужто он не в духе и ищет, на ком бы сорвать гнев?

Наконец Фэн Лэйянь отвел взгляд от Лу Эня и холодно окинул собрание.

— Любезный Чэн, только не говори мне, что урожай в этом году будет хуже прошлогоднего.

— Видите ли... — по лбу министра скатилась капля холодного пота. — Из-за дождей провинции Линчжоу, Цяочжоу и Цзинчжоу пострадали от паводков. Помощь пострадавшим уже оказывается, но посевы...

— Насколько велики потери?

— Около двадцати процентов.

Бам! Кулак князя опустился на подлокотник.

— Двадцать процентов?! Ты хоть понимаешь, сколько людей из-за этих двадцати процентов останутся голодными? Пусть Фэнтянь сейчас и крепнет, это не значит, что мы можем почивать на лаврах! Куда делось серебро, которое я выделил на укрепление дамб? Неужели оно осело в ваших карманах?! Почему это произошло? Живо отвечай!

Министр земледелия, бледный как полотно, рухнул на колени.

— Пощадите, Ваше Высочество! Пощадите! Я правда не знаю, почему так вышло. Куда делись деньги... я не ведаю. Это...

— Прошу тебя, усьмири гнев, — вмешался Фэн Моюй. В его голосе и манерах сквозило величие, которого прежде не было. — Чэн, Фэнтянь хоть и пользуется благословением небес, а плодородные земли Хуэйчжоу дают обильный урожай, они не могут прокормить всю страну. Наводнения в сезон дождей — наша старая беда. Но если кто-то посмел набивать кошельки, пользуясь случаем, двор этого не спустит!

«Идиот! — подумал Моюй, глядя на дрожащего чиновника. — Как такой трус вообще попал в министерство? Позор».

— Да-да, я всё понимаю! — запричитал министр. — Я виноват! Я лично всё расследую, будьте покойны, Ваше Высочество, господин Моюй!

— Я даю тебе семь дней, — отрезал Фэн Лэйянь. — Найди всех до единого, кто приложил руку к казне. Передай их в ведение Судебного приказа для сурового приговора. Имущество конфисковать в пользу государства. Ли Цинмин будет надзирать за процессом. Правый министр, у вас есть возражения?

— Никаких, Ваше Высочество.

Ли Цинмин, нынешний помощник министра финансов и лучший выпускник академии прошлого года, выступил вперед. Он боготворил Фэн Лэйяня и ловил каждое его слово, будучи верным сторонником фракции регента.

Правый министр Е Цяньфэн низко склонил голову, скрывая во взгляде неприязнь и тревогу. Опять! Больше половины чиновников теперь смотрят в рот регенту. Конечно, среди них много флюгеров и льстецов, которые не представляют угрозы, но министр Юань Цин и военные — это серьезное препятствие. К тому же Фэн Лэйянь контролирует половину армии. Как тут не волноваться?

Кто бы из принцев ни взшел на трон, он рискует стать лишь марионеткой в руках этого человека. Если в Фэн Лэйяне проснется честолюбие, династия Фэн прервется. Пока он не выказывал таких намерений, но кто поручится за будущее? Е Цяньфэн, прослуживший короне сорок лет, не мог сидеть сложа руки.

Гордо выпрямившись, старик сделал шаг вперед.

— Господин Моюй, провинция Цяочжоу, наш ключевой транспортный узел, сейчас страдает больше всего. Старый слуга просит дозволения лично отправиться туда, чтобы успокоить народ и помочь терпящим бедствие. К тому же вскоре через Цяочжоу проследует посольство государства Цин, направляющееся в Чэнчжоу. Голодные беженцы сейчас подобны диким зверям, и, дабы избежать происшествий, я готов лично встретить гостей и обеспечить их безопасность.

Фэн Моюй едва заметно усмехнулся.

— Какое рвение! Правый министр так печется о благе народа, Фэнтяню действительно повезло. Брат, что ты скажешь?

«Зачем ты спрашиваешь, если решение уже принято?» — с холодным безразличием подумал Фэн Лэйянь, а вслух произнес:

— Ты — один из претендентов на престол и уже год постигаешь искусство управления

государством. Если считаешь, что так будет правильно — отдавай приказ. Пусть это станет для тебя уроком.

В глазах Фэн Моюя промелькнуло разочарование от этой холодности, а Правый министр Е Цяньфэн едва сдержал ярость.

«Проклятый Фэн Лэйянь! Мало ему власти, так он еще и обольстил сердце будущего наследника. Какое бесстыдство!»

— Что ж, тогда поручаю это Правому министру.

— Слушаюсь, — отозвался старик.

«Фэн Лэйянь, на сей раз я не дам тебе перехватить инициативу. Послы государства Цин станут отличным подспорьем».

Лу Энь, наблюдавший за всем со стороны, был потрясен тем выражением, которое заметил в глазах Фэн Моюя.

«Быть не может... Этот взгляд... Фэн Моюй смотрит на Лэйяня как влюбленный, не получающий ответа. Неужели он любит брата? Значит, слухи о том, что найденный принц — наложник регента, были правдой?»

В Фэйюне его сестра любила Бай Цзинчэня, а тот любил его самого. В Фэнтяне брат и он сам оба любят Фэн Лэйяня. Судьба явно решила над ним подшутить, причем шутка вышла довольно скверной.

— Любезный Чэн, — небрежно бросил Лэйянь напоследок. — Я терпеть не могу бездарей, которые проедают казенное жалование. Второго шанса не будет. Последствия ты знаешь.

От этих слов по залу пробежал холодок. Чиновники невольно втянули головы в плечи, а Чэн Цзиньтянь и вовсе задрожал как лист на ветру, едва не касаясь лбом холодного черного камня пола.

Он-то знал! О силе «Пурпурных глаз чар» князя в кулуарах ходили легенды. Своим магическим, пугающим взором он мог затянуть саму душу, подчиняя ее воле хозяина. Зная холодный нрав и методы регента, любой предпочел бы мгновенную смерть безумию, к которому приводили его допросы. Поэтому никто в Фэнтяне не смел смотреть регенту в глаза. И хотя князь не использовал свою силу направо и налево, страх перед фиолетовым взором жил в каждом. Даже такие приближенные, как Фуцзэ, Юань Цин или Хань Умин, не решились бы долго выдерживать этот взгляд, в котором смешались безумие, ледяная решимость и острый ум. Сердце просто не выдержало бы.

К тому же при князе было невозможно хранить тайны. Стоило встретиться с ним глазами, и язык сам собой выбалтывал всё до последнего слова. В чиновничьей среде нет безгрешных, поэтому они каждый день тряслись от страха, боясь ненароком выдать свои прегрешения.

Слова регента были ясным предупреждением: он не прочь завести себе новую игрушку для пыток, раз от такого «мусора» всё равно нет проку.

Спина министра взмокла от пота.

— Ваше... Ваше Высочество, пощадите! — взмолился он. — Я жизнь положу, но исполню приказ!

«Почему он так его боится?» — недоумевал Лу Энь. Почти все в зале стояли с понурыми головами, а если и поднимали их, то во взглядах читалась крайняя осторожность. Он узнал только Юань Цина, но и тот старался не смотреть Лэйяню прямо в глаза.

Тут Лу Энь вспомнил, что, едва прибыв в Тяньцзин, он слышал толки о «демонических очах» Фэн Лэйяня — символе зловещей силы и дурного предзнаменования.

«Неужели их так пугают эти глаза, похожие на прозрачные аметисты? А ведь мне они так нравятся...»

Пока Лу Энь предавался размышлениям о красоте глаз своего избранника, совет подошел к концу. Стоило Фэн Лэйяню объявить о роспуске, как в зал вбежал юный евнух. Он передал, что Великая наложница просит регента пожаловать во дворец Тяньи для беседы. Стало ясно: затевается нечто опасное. Юань Цин и Хань Умин обменялись короткими, тревожными взглядами, но задерживаться не стали.

«Великая наложница? Та самая, что хочет смерти Лэйяня? — Лу Энь нахмурился. — Что еще она задумала? Зачем ей во что бы то ни стало губить собственного сына? Что между ними произошло? Неужели дело только в ее повторном замужестве?»

Зная характер Лэйяня, Лу Энь понимал: тот ни за что не откажется. Напротив, он словно находил вкус в опасности и подковерных играх.

Юноша мысленно схватился за голову.

Фэн Лэйянь заметил его встревоженное лицо, и это почему-то подняло ему настроение. Поскольку Лу Эня никто не видел, князь не стал заговаривать с ним при свидетелях, а Лу Энь не решился спрашивать.

Фуцзэ, следовавший позади, пребывал в крайнем недоумении. Обычно князь чернел лицом перед встречей с матерью, а сейчас выглядел почти довольным. «Неужели солнце взошло на

западе? — думал он. — Впрочем, что на этот раз выкинет Великая наложница?» Жестокость и жадность этой женщины не знали границ. Иметь такую мать — сомнительное счастье, и Фуцзэ искренне сочувствовал князю.

Дворец Тяньи по закону принадлежал императрицам Фэнтянь, но Великая наложница, будучи лишь фавориткой покойного императора, обосновалась там самовольно, опираясь на таинственные силы за своей спиной и прикрываясь именем сына-регента. Ее амбиции были очевидны всем. Многие, кто не желал подчиняться иноземному регенту или боялся мести, искали ее покровительства. Простой люд и не догадывался, какие кровавые интриги кипят за высокими стенами дворца. Фуцзэ втайне мечтал о дне, когда эта женщина исчезнет, и в стране наконец наступит покой.

В отличие от слуги, Фэн Лэйянь не питал иллюзий. Он только что разгромил ее тайную банду наемников, и хотя она наверняка была в ярости, она не была настолько глупа, чтобы нападать открыто. Время еще не пришло. Моюя она пока не контролировала полностью, а тот был слишком привязан к Лэйяню. Случись с регентом что-нибудь, его сторонники и армия первым делом обвинят её.

В нынешней нестабильной ситуации в мире Фэнтянь не мог обойтись без твердой руки регента. Лэйянь знал это и чувствовал свое временное преимущество, но не расслаблялся. Она могла и не покушаться на его жизнь прямо сейчас — прежние покушения были для них своего рода игрой, — но она точно метила в его военную власть. Даже малая часть армии в её руках стала бы для него огромной проблемой.

***

«Ого, какая красавица!»

Едва войдя во внутренние покои дворца Тяньи, Лу Энь замер от восхищения. Угольно-черные волосы высокой прической скрепляли золотые шпильки с нефритом и жемчугом. Лиловое шелковое одеяние было украшено золотой вышивкой в виде фениксов на подоле и широких рукавах. На шее сияли нити драгоценных камней, на больших пальцах обеих рук красовались перстни из черной яшмы, а золотые браслеты на запястьях ослепительно блестели в свете свечей.

«И не тяжело ей всё это носить?» — изумился Лу Энь. Культура этого мира не переставала его удивлять.

Но если первым впечатлением была «величественная и утонченная дама», то стоило ей заговорить, как Лу Энь мгновенно проникся к ней неприязнью. «Змея подколотная, — подумал он. — Настоящая тигрица под маской нежности».

— Приветствую Великую наложницу, — холодно произнес Фэн Лэйянь.

— Ах, Ваше Высочество, как вовремя, — отозвалась она певучим, мягким голосом. Если бы Лу Энь не знал правды, он бы принял её за любящую мать. — До меня дошли слухи, будто в последнее время князь каждые несколько дней отсылает слуг и ведет в своих покоях беседы сам с собой. Я так обеспокоена... Неужели это последствия того старого проклятия? По дворцу уже ползут толки, чиновники задают вопросы. Ради твоего же блага я пригласила лучших лекарей, чтобы они осмотрели тебя.

Лу Энь поморщился. Она называла сына «Ваше Высочество» или «князь», но ни разу не сказала «сын». Одно это говорило о многом. Впрочем, и Лэйянь не называл её матерью. Их отношения были сложнее, чем можно вообразить.

Стоявшие в ряд придворные лекари поспешно поклонились.

— Благодарю за заботу, но я в полном порядке, — Фэн Лэйянь выделил последние слова, одарив стариков-лекарей ледяным взглядом, от которого те невольно съежились. Шпионов во дворце хватало. Несмотря на все его предосторожности, слухи о времени, проведенном наедине с Лу Энем, дошли до неё. Радовало лишь то, что Лу Энь невидим, и уличить князя в «безумии» будет непросто.

Лекари застыли, боясь пошевелиться: они оказались меж двух огней.

— Хотелось бы мне знать, какой длинноязыкий раб посмел тревожить ваш покой подобными бреднями, — ровным тоном продолжил Фэн Лэйянь. — Этот негодяй заслуживает хорошей порки за то, что отвлекает Великую наложницу от важных дел.

— О, в этом нет нужды, — она прикрыла рот веером. — Верные слуги пекутся о благе князя. Такую преданность стоит поощрять, а не карать.

— Вы совершенно правы, — Фэн Лэйянь отвесил церемонный поклон. — Пожалуй, я не стану его искать.

<http://bllate.org/book/17476/1694621>